

*И. Н. Потанова
Украина, Одесса, ОНУ им. И. Мечникова*

РИМСКАЯ ЭПИГРАММА

Краткое насмешливое стихотворение не теряет своего читателя. Скорее наоборот - в жесткой борьбе за информационное пространство эпиграмма, как нельзя лучше, отвечает духу времени, когда мы доверяем наше сообщение-суррогат сетям, чтобы поспешно известить и не превысить лимит в 140 знаков. Армандо Торно в своем эльзевире на третьей полосе газеты «Коррьере делла сера» за 20 июня 2012 г. называет эпиграмму зеркалом эпох и предком Твиттера [1]. В истории остались имена греков Мелеагра и Катулла, авторов эпиграмм, вошедших в Палатинскую Антологию. Римлянин Марциал — это уже новая эра. И точка отсчета для всех, кто изучал и изучает эту малую форму, так как, согласно Г. Э. Лессингу, который в своих «Разрозненных замечаниях об эпиграмме и некоторых выдающихся эпиграмматистах» утверждает, что [2. 124], именно у Марциала эпиграмма впервые обретает свои жанровые законы. Влиянием Марциала отмечены венецианские эпиграммы И. В. Гете, им интересовались И. К. Шиллер, А. Пушкин, Иосиф Бродский. Новое собрание эпиграмм под общим названием «Римские эпиграммы» составлено сербом Синоном Гуджевичем. Из 400 написанных автором и переведенных на итальянский язык совместно с Раффаэллой Марцано эпиграмм, в книгу им включены только 110.

Информацию об авторе можно почерпнуть в самих эпиграммах: Гуджевич является пока что единственным из сербско-хорватских поэтов, кто сегодня сочиняет эпиграммы. [3,5] Его предпочтениями среди авторов эпиграмматических текстов являются Марциал, Луцилий, Каллимах, Флакк, Никарх, Гете, Пушкин, Вяземский, из современников — фортини и

Пазолини [3,14]. Их образцам он следует в своем творчестве. Название сборника говорит о том, что городом итальянских эпиграмм по-прежнему остается Рим. Гуджевич, как и главный хронист нравов римской империи начала эры Марциал, которого читают «в целом мире» [5, 123], подобно другим пронизательным античным гостям хаотичного *caput mundi*. бродит, как наэлектризованный, по римским улицам и площадям, среди древних памятников, внимает любому эху, воспоминаниям, отрывкам из книг, эпизодам из истории, культуры, находясь при этом в окружении особого ландшафта. Данный наблюдатель постоянно чувствует присутствие собратьев по перу из других эпох. От этого происходит непосредственность, с которой поэт соотносит свои ощущения с теми, кто до него сталкивался с пространственно-временной реальностью.

*Ciò che da tanto bramavi, rimira, anima mia: Roma che splende nel sol autunnale eterna città./ Anima, godi a fondo il giorno che vivi a Roma./Anche se questo piacere domani dolore sarà. — Вот то, чего так давно ты желала, душа моя, видишь, / Рим, что сверкает под лучом осеннего солнца, вечности город./Душа, насладись в полной мере днем в Риме/Пусть даже в боль превратится назавтра твое наслажденье. : [3, 42] И еще в одной эпиграмме: *Nelle terme a Roma c'erano una volta biblioteche:/ Affinché fresco e pulito potessi leggere i libri. /Oggi fra libri polverosi, che sporcano e danno starnuti, / Sarebbero più salutari le terme nelle biblioteche.-**

В римских термах некогда были библиотеки: /Чтобы книги читал ты чистым и свежим. /Сегодня из всех книг, пылью покрытых и от которых чихают, / термы в библиотеках были бы самым полезным/ [3,49]

О своем пути к эпиграмме Гуджевич пишет: *Mentre passavo invernì nel mio paese nevoso, Marco, che ama sciare, non volle venire a trovarmi. Ora che sono a Roma mi chiama, vuole venire. Non volle venire a Grab, vuole venire*

a Roma! "Hai un posto per me? A me mi attirano molto Gli epigrammi che ora stai scrivendo a Roma!" Se, o sciatore Marco, il mio epigramma t'attira, Non devi venire qui, vieni, o Marco, a Grab. Api e arnie mie e bugni li trovo a Roma, Ma il pungiglione al micle viene aggiunto a Grab. — Пока проводил я зимы в своей заснеженной стране, Марко, любивший лыжи, не пожелал навесить меня. Теперь, когда я живу в Риме, он хочет приехать. Не хотел приезжать в Греб, но хочет ко мне в Рим! «У тебя найдется для меня место? Мне весьма интересны эпиграммы, которые ты пишешь в Риме!» /Если тебя, лыжник Марко, так интересуется моя эпиграмма,/ты не должен приезжать сюда, я жду тебя в Гребе. Пчелы и ульи мои в Риме,/ Но жало пчелиное в меде можно найти в Гребе [3,71].

В двустишиях «Римских эпиграмм» критике подвергается удобный конформизм, не всегда позитивные плоды цивилизации: Applausi in chiesa a messa, il vescovo in porpora tac e./ Applausi quando il palmo il Papa sul popolo leva,/Applausi nel tribunale proclamata la massima pena,/ Applausi quando la salma per l'ultimo viaggio si parte. Tutti sono usi romani: straniero, non ti stupire/ Quello che Roma insegna: la vita è un batter di mano! — Всплеск аплодисментов в церкви когда месса, епископ молчит одетый в пурпур,/Всплеск аплодисментов, когда поднимает над паствой ветвь пальмы римский понтифик/Всплеск аплодисментов в трибунале при оглашении высшей меры/То же, когда прах провожают/. Все это обычаи Рима: чужеземец, не удивляйся/ Рим учит: жизнь это всего лишь всплеск [3,62].

«Римские эпиграммы» затрагивают самые болезненные темы нашего времени. Среди них- проблема западного гуманизма, скомпрометированного логикой наживы: L'umanesimo, did, europeo nacque a Troia la notte/ Quando il pianto d'Achille al pianto di Priamo s'uni./ Dicci anche che esso muto il suo percorso/ Quando per Ettore chiese a Priamo riscatto Achille. -

былых времен.[3,44]. В эпиграммах звучит горечь в связи с историко-политической трагедией бывшей Югославии: Alija,

Ты говоришь, что европейский гуманизм родился ночью в Трое / Когда соединились в одно целое плач Ахилла и Приама/ Ты говоришь нам, что плач изменил судьбу Европы/ Когда для Гектора выкуп попросил у Приама Ахилл/[3, 50].

В интервью Мануэле Палкетти Гуджевич заявляет, что не претендует на новаторство. В его эпиграммах есть все, что присуще этому жанру: некоторые из них — это эпитафии; некоторые - сатирические сочинения; а некоторые - двустишия остроумные, колкие и самоироничные. Истина - это привилегия философов. Поэзия — это туман и грусть, которыми окутаны соответственно истина и человек [4]. Его эпиграммы с классическим жанром роднит их краткость, семантическая наполненность, остроумный и шуточный ответ, сокрушительный удар в концовке и острие- так называемый пуант. Но главное состоит в том, что слышны устные формы народной поэзии, передающейся от поколения к поколению восточных сказителей.

Prendo il libro di cucina di Apicio Gavio Marco/ E il ricordo d'un tratto vola all' allegra mia Grab;/ Nel pomeriggio estivo sul prato un vitello treenne./ Forte gli vibra il collo, la coda gli scaccia le mosche./ Uno lo guarda e d'un colpo gli sfuggono queste parole:/ "Guardalo, mi fa venir l'acquolina in bocca!"/ Dubiti forse, o lettore, che un tale carnefilo esista,/ Vieni, che te lo presento: è Jakup, mio fratello. — Если книгу Апиция Гавия Марка возьму, чтобы еду приготовить,/ Сразу же мысль улетит в мой радостный Греб; /К закату летнего дня на лугу трехлетний бычок,/шея дрожит у него/ хвостом отгоняет он мошек./При одном только взгляде от слов удержаться не сможешь:/ «Посмотри-ка - слюнки во рту!»/ Если сомнение имеешь, читатель, что плотоядный такой существует на свете, то приезжай, я вас познакомлю: это Якоп, мой брат. Читая эту эпиграмму, представляешь людей, от которых Гуджевич мог услышать истории, молитвы и напевы

sappi che mai, al tavolo délia nostra taverna/ Mai più potremo bere insieme e cantare, /Senza che serbi, croati, bosniaci, montenegrini, albanesi./ Avvelenino il calice nostro, tristi rendendoci e muti./ Sulle canzoni adesso si stendono stermini e massacri, /Ciò che un di paventammo, ora ci fa compagna./ Sia dannato colui che questo silenzio ci impone. — Алия, запомни, никогда больше нам не выпить, не спеть за столом нашей таверны/ Сербы, хорваты, боснийцы, черногорцы, албанцы не скрасят наш кубок, мы будем печальны и молчаливы. / Уничтожение- навсегда в наших песнях, / То, что когда- то пугало, теперь наши будни. / Мука тому, кто обрек нас молчать. [3, 51].

Сербский поэт, профессор римского университета Ла Сапиенца П. Матвеевич в предисловии к «Римским эпиграммам» говорит, что Гуджевич, заимствуя тон у классиков, комментирует повседневную жизнь современного Рима. Он разглядывает ее глазами иммигранта, который носит в кармане паспорт страны, разрушенной войной[3,6].

Литература

1. <http://www.corriere.it/cultura>
2. Фишер Куно, Лессинг как преобразователь немецкой литературы, перев. И. П. Рассадина. 2 чч., М., 1882 ом V. Русский перевод под редакцией П.Н. Полевого. СПб
3. Sinan Gudzevic, «Epigrammi romani» Collana «Poesia come rape».-2006.-С. 80
4. М.Палкетти, Интервью с С.Гуджевичем, www.writers.it- fogli di poesia Благовещенский, «Римские клиенты Домицианова века» («Русская Мысль», апрель, 1890).